

Завонил телефон, и я отвернулся от экрана компьютера. Весь день: телефон — экран, экран — телефон. Конец года, бешеный ритм, глаза слезятся, уши пухнут, перекурить некогда.

— Здравствуйте, Беглов,— сказал в трубке едва знакомый, чуть с хрипотцой голос, который я определенно раньше уже слышал.— Тут с Вами кое-какие люди хотят перетереть кое-какие вопросы.

— А Вы кто?

— Конь в пальто,— и опять ощущение, что эти слова этот голос мне уже когда-то говорил,— значит, в восемь у закусочной «Елки-палки», на Новом Арбате... Давай, только без юмора, эти люди шуток не любят.

И повесил трубку.

Эх... м-м. Я почувствовал, как намокла спина. Где-то в легких что-то застряло, и я закашлялся. Нажал на клавиатуре «сохранить», и пошел курить.

Дела-а-а... Какие-то люди со мной хотят поговорить. О чем? Нет. Не с этого. Кто звонил, вот с чего. Не представился, но голос знакомый, может, розыгрыш? Но, как водится, в конце таких «развлекаловок» представляются, и, как минимум, извиняются...

Звонили с мобильного, вот и все догадки. Я перебрал в памяти всех своих знакомых, кто мог обладать подобным голосом, и никого не смог припомнить. Ах ты ж, зараза...

Итак, люди. Но о чем можно со мной говорить? Что я могу сказать людям, которые не любят шутить, и что им может быть от меня нужно? Я самый наиобыкновеннейший клерк, самый рядовой сотрудник планового отдела. Типичный представитель «офисного планктона». Мне даже не светит, по крайней мере, в обозримом будущем, должность заместителя заведующего отделом. Кому, и на что я сдался? Получаю как все, секретов не знаю, «левыми» делами не занимаюсь.

Я прикурил вторую сигарету от первой. Напряжение нарастало. Может быть, сын что-нибудь натворил, и теперь меня хотят «поставить на бабки»? Но мой сын не может ничего такого натворить, он еще маленький, чтобы что-то творить, за что бы мне пришлось платить... Платить? А что же еще может заинтересовать людей без чувства юмора, кроме, как деньги?

Или они его украли.

Я выхватил, как пистолет из кобуры, мобильник, и набрал дом. Сын что-то жевал, и, пережевывая, сообщал, что сегодня по рисованию пятерка, а теперь он смотрит «те мультики» (недавно я ему подарил диск с советскими мультфильмами, кото-

рые сам с удовольствием смотрел в детстве). «Молодец», сказал я, и прикурил третью сигарету. На часах без пяти шесть, а в восемь надо быть у «Елок-палок».

Что-то с Иринкой? То есть, с Ласточкой... Что?!

Ласточка чуть раздраженно («Ты уже звонил») сказала, что у нее еще два ученика, и она будет сегодня к десяти, и чтобы мы кушали без нее.

Я тяжело поднялся в кабинет и сел на стул. С экрана мне подмигивал Бравый солдат Швейк, новая заставка. Люди хотят «перетереть». Может быть, я сам что-то не то сделал, или сказал. Я стал быстро вспоминать, что неординарного произошло со мной в последние недели и месяцы. С кем встречался помимо работы, что и где говорил. Вроде, все как всегда, одни и те же люди, дела и дни. Семья-работа-семья, обычная схема. Никому не грубил, ни с кем не ругался, никому ничего не обещал. Может быть только...

И все же, где я мог слышать этот голос, и это старое, как дерьмо мамонта, выражение «конь в пальто», которое имеет несколько нецензурных производных? Может быть, все-таки, кто-нибудь из очень старых знакомых, из другого мира, оттуда, где разыгрывать по телефону считалось невинной шуткой? Очень возможно, но откуда у него мой рабочий телефон?

А вдруг меня хотят заманить в ловушку, и просто, банально, прямо в центре города ограбить? И что, прямо у «Елок-палок», на глазах у народа начнут грабить? Не может быть!

Этого быть не может, но, возможно, хотят припугнуть, что-нибудь потребовать. Да, проблема.

На часах шесть тридцать пять, сотрудники расходятся по домам, на меня — ноль внимания, и я невольно вглядываюсь в каждого из них. Всех знаю чуть больше тысячи лет, но мысль, а не от кого-нибудь ли из них исходит идея дурацкого звонка, невольно закрадывается.

А вот взять и не пойти. Не пойти и все... И потом сидеть дома и трястись втихомолку, ожидая второго звонка, и дальше — неясной развязки. Если они знают рабочий телефон, то домашний и подавно. Значит, надо идти, хотя бы чтобы прояснить картину, что за люди, и что им надо.

А если позвонить в полицию? Слишком мало времени, да и события пока никакого не произошло. Телефонный звонок ничего не означает. В полиции скажут, что, скорее всего, кто-нибудь неудачно пошутил, или просто ошиблись номером, сколько в Москве Бегловых?

Времени нет. Шесть пятьдесят, и надо идти, делать нечего. Я еще раз позвонил домой, потом жене, перекурил и пошел. Ноги шли неохотно.

По дороге решил сразу к закусочной не подходить, а понаблюдать издалека, посмотреть, на кого могут быть похожи те, кто вызывают по телефону ни в чем не повинных граждан, чтобы «перетираться» с ними вопросы.

У закусочной никого не было. То есть, конечно, народу было много — шли и туда, и сюда, место людное, но чтобы кто-то специально кого-нибудь ожидал, заметно не было. Или это просто я не замечал?

Было без пяти восемь. Наверное, все же, кто-то из очень старых знакомых разыграл, с надеждой подумал я. И решил подождать еще минут десять, и ехать домой. И, если никто не появится на горизонте, можно будет, если что, потом сказать, что вот, дескать, приходил, и никаких людей, кому я могу быть интересен, не встретил.

Вместо десяти, я прождал сорок минут, наблюдая за входом в «Елки-палки». Люди входили и выходили из закусочной, но никто не задерживался.

В конце концов, я сказал себе все, что о себе подумал, развернулся, и пошел домой. Уже в метро, на подъезде к своей станции мне пришла в голову мысль, что те,

кто «забил мне стрелку», возможно, тоже наблюдали откуда-нибудь из-за угла, и, видя, что никого нет, решили не светиться. Но это же глупо, хоть одного-то могли выставить для ориентира!

Сын сказал мне, что уроки он сделал, а сейчас немного посмотрит мультики, и ляжет спать. Я не возражал. Пришла жена. Я обнял ее, поцеловал, и пристально посмотрел в глаза. Она передала мне пакет с яблоками и спросила, что случилось. Ничего, дорогая, это я так. Заскучал. Мы выпили по чашке чая, и я не стал ей рассказывать про странный звонок. Она забралась под одеяло, я взял в свои ладони ступни ее ног, и держал их, согревая своим теплом. «У тебя горячие руки, любимый, но ты о чем-то молчишь, что случилось?..»,— уже засыпая, пробормотала Ласточка. Ничего, любовь моя, спи спокойно, моя девочка. Пока ничего не случилось.

К нам в комнату заглянул сын, поинтересовался, ложиться ему или нет, и я не ставил его выключить телевизор. Еще я сказал, что завтра привезу ему новый цифровой фотоаппарат. Такой, какой он хотел.

И продолжал сидеть.

Я испугался. Мне давно не было так страшно как в этот вечер, переходящий в ночь. НИКОГДА мне не было еще так страшно. Я боялся не за себя, за них. Мне было мутно, страх заполнил не только меня, но и всю комнату, квартиру. Весь мир вокруг был липким от страха. Я хотел пойти на кухню покурить, но так и продолжал сидеть рядом с женой, тупо глядя в черное окно.

В конце концов, я встал, подошел к иконе Божьей Матери и три раза перекрестился. Дай сил пережить это дерьмо, сказал я, и одернул себя за нехорошее слово. Потом опустился на колени, еще три раза перекрестился, и сказал: «Я очень прошу... Не за себя прошу...». Что еще? Что говорят еще в таких случаях? Я не знал, но продолжал стоять на коленях, повторяя «не за себя ведь прошу...». Сохрани. Спаси. Убереги. Сделай так, чтобы все это, весь этот кошмар был нелепой, пусть злой и безобразной, но все же шуткой.

Потом я заглянул в комнату к сыну, выключил телевизор и лег рядом с женой.

Я очень устал. И мы мало видимся с родными... только по вечерам, и немного по утрам, и в выходные. И только. Мы мало любим друг друга. И не можем ничего поделать, и тратимся на пустяки. Думаем, что впереди еще очень много времени...

На следующий день работа, конечно, не клеилась. Это хорошо еще, что не было на месте тех, кто, по идее, мог меня загрузить срочной работой. Я что-то набирал на компьютере, просматривал папки с документами, то и дело выходил покурить. Каждый звонок вызывал у меня мелкую дрожь, я одновременно боялся, и ждал опять услышать этот голос.

И услышал.

Как и вчера, где-то за час до окончания рабочего дня позвонили, я снял трубку и представился. Это был он.

— Ну ты что, Беглов, совсем свинья? — я напрягся в готовности выложить заранее заготовленный ответ. Показалось, что сердце сейчас вырвется из груди, в висках стучало. — Почему не пришел?

— Послушайте,— сказал я как можно спокойнее,— пока не скажете, кто вы, я говорить не буду.

— Вот всегда ты был таким, Сергей. Все тебе расскажи, покажи. А сам никогда думать-соображать не хотел. А теперь, на старости лет, еще и память потерял. А совесть хоть осталась? А помнишь такого кренделя по фамилии Щедров? Все вы — паразиты, всех вас обзвонил, хотел собрать вместе, и никто не пришел. А мне сегодня уезжать, поезд через час. Эх, вы!

— Нет, не помню,— сказал я, и понял, что страхи были напрасными, потому что я помнил Щедрова.

Мы вместе учились в институте, в одной учебной группе. Мы не были друзьями, и ничего нас, кроме нескольких студенческих попок, не связывало. Правда, на лекциях иногда сидели вместе. И еще он частенько занимал у меня деньги. Он и тогда был для меня никем, и теперь, после всего, что пришлось пережить, после его дурацкого звонка, тем более.

Я положил трубку.

За все годы после окончания института, мы ни разу не встречались, никогда не переписывались и не звонили друг другу. А теперь он, вероятно, по делам оказавшись в Москве, решил вспомнить молодость, «пностальгировать». Может быть, удивить всех своей крутизной и щедростью, сводить в «Елки-палки».

И все же, я был счастлив. Так, как никогда. Радость от выигрыша в телеигре «Как стать миллионером», по сравнению с чувством, которое испытал я, когда узнал, кто мне звонил — ничто. И, поскольку в кабинете в этот момент больше никого не было, я достал из ящика стола фляжку с коньяком, налил полную кофейную чашку и выпил. Ладно, Бог с ним, со Щедровым, подумал я. Хорошо, что Щедров, а не кто-нибудь другой. Он никогда умом не отличался. И, скорее всего, всем позвонил, как и мне. И, может быть, не я один вчера в восемь часов вечера наблюдал из-за укрытия за входом в «Елки-палки»... М-да...

Я подошел к окну, посмотрел на улицу в зимних сумерках. Ничего нового там не было. Поток машин, бегущие по тротуарам люди, много людей, рабочий день окончен. Напротив — нагромождение зданий, офисов, торговых центров и жилых домов. Чуть дальше купола Храма Утоли Моя Печали... Они и в потемках сияют, в свете направленных прожекторов... Стоп...

Пережитое прошлой ночью молниеносно пронеслось у меня перед глазами, и я почувствовал легкий укол под сердцем. Это что же... Он? Снова кольнуло в области сердца, и я почувствовал, как увлажнились глаза. Конечно, Он, Отец Наш Небесный... Кто же еще может услышать нас, когда кажется, что выхода нет? Кто еще может изменить то, что кажется, изменить уже не возможно? Отвести беду, уберечь... спасти...

Я отошел на шаг от окна и медленно перекрестился, три раза. Затем вынул платок и вытер слезы. Снова взглянул на купола, боль в сердце отпустила. Теперь надо подумать, как благодарить, что делать, как идти дальше...

Лишь бы никто из сотрудников не вздумал сейчас появиться в кабинете и затеять пустой разговор, например о том, почему у меня такое выражение лица.

Затем я достал из сейфа свою записку и пошел покупать цифровой фотоаппарат.